

УДК 81-112.2

**НОРМАТИВНОСТЬ И ДЕВИАНТНОСТЬ
В УПОТРЕБЛЕНИИ МОДАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ****канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)**

Отклоняющееся от нормы или соответствующее ей употребление языка не является прерогативой только маскулинного или фемининного вербального поведения. Проявления девиантности/кодифицированности в использовании языка гендерно специфичны. Иконичность и диминутивность существенным образом соотносятся с частотностью девиантных или соответствующих нормам языковых средств. Неиконические формы модальных единиц чаще соотносятся с говорением представителей одного гендера, иконические и/или уменьшительные – другого, последние – независимо от их возможной девиантности. Известные утверждения о большей нормативности употребления языка женщинами справедливы только в известных пределах, если из арсенала языковых средств исключить некоторые весьма характерные его единицы, в частности уменьшительные формы модальных слов и разговорные модальные единицы. Количественные показатели употребления разновидностей последних гендерно специфичны. Вместе с тем гендерная принадлежность высказываний легко распознается, только если они содержат модальные диминутивы, другие формы разговорных модальных единиц не влияют на распознавание гендера.

Введение. Одним из наиболее известных и получивших подтверждение в целом ряде исследований тезисом о гендерных различиях в языке является идущее еще от О. Есперсена утверждение о большей чистоте и правильности языка женщин по сравнению с языком мужчин [1, с. 246; 2, с. 490; 3, с. 18; 4, с. 99; 5; 6, с. 76; 77; 7, с. 301; 8, с. 204 – 206; 9, с. 49]. Оставляя в стороне существующее разнообразие интерпретаций данного феномена, мы ставим своей целью: 1) убедиться в правомерности данного утверждения на материале относительно частотных в сопоставляемых нами языках (белорусском, русском, английском, американском) модальных слов; 2) изучить возможные особенности манифестации феномена большей кодифицированности, правильности, с одной стороны, и менее четкого соблюдения норм, с другой; 3) проследить роль данного феномена в конструировании гендерной идентичности говорящего субъекта; 4) проанализировать влияние количественных показателей встречаемости отклоняющихся от кодифицированных норм или соответствующих ей форм на гендерную маркированность высказывания.

Материалом для исследования послужили разговорные формы модальных единиц, причем не базовый фонд ключевых модальных слов, подробно представленный в учебниках по грамматике, а главным образом так называемые маргинальные формы модальных единиц, нормативность которых в целом ряде случаев остается под вопросом (*gonna, gotta, wanna* и т.п.). Выбор данных форм обусловлен целью настоящего исследования, которое состоит в проверке на новом материале, а именно модальных единицах подлинного общения, – адекватности выводов о значимости критерия правильности речи в плане создания гендерной идентичности говорящего субъекта.

Наша гипотеза состояла в том, что показатели частотности употребления заведомо проблематичных единиц типа *мо(б)*, *трэ(б)*, *хот*, *wonna* вместо *можа(б)*, *трэба было б*, *хочет*, *want to* могут оказаться дистинктивными в плане разграничения гендерных вариантов вербального поведения. В соответствии с выводами ряда исследователей о большей нормативности употребления языка женщинами таких форм в их говорении должно оказаться меньше. Представляется, что правомерность представленной гипотезы вытекает не только из отмеченных утверждений о правильности/относительной склонности к отклонениям от нормы как гендерно значимом контрасте, но и из доказательных выводов многих исследователей о том, что частотность употребления является основным различительным признаком социолектов. Неслучайно социолингвистика в целом квалифицируется как квантитативная по своей сущности [7, с. 307]. Различающаяся частотность правильного/отклоняющегося от нормы говорения, таким образом, может быть одним из маркеров вербального поведения того или иного гендера.

Основная часть. Записи подлинного общения в четырех культурах (белорусской, русской, английской и американской), в целом составляющие около 160 000 слов текста, плюс соизмеримый массив текстов на тряснке (около 40 000 слов), позволили получить обширную выборку употребления разговорных модальных форм. Данная выборка состояла из весьма разнородных случаев реализации маргинальных модальных единиц, которые мы объединили в три значительно отличающиеся по объему группы.

Первая, минимальная по численности, образована употреблениями, представляющими собой очевидные нарушения правил реализации модальных единиц, а именно сочетанием в одной последовательности двух не сочетаемых модальных форм, например, *might* и *should* в английской речи, *даўжон* и *трэба* в тряснке. Относительно приведенных сочетаний модальных слов в говорении на английском языке известная грамматика Лонгман высказывается категорично, однозначно интерпретируя их как диалектные, не свойственные одобряемым нормам вербального поведения в английской культуре [10, с. 483]. В нашем

материале оказалось всего 7 таких употреблений: 3 – в говорении англичан, 4 – американцев. В основном это были лица с незаконченным высшим образованием, 2 – со средним, 1 – с университетским, причем филологическим. Уточняющий анализ показал, что в большинстве своем они явно могут быть квалифицированы как оговорки или примеры дисфлуэнтности, которые не так уж и редки в подлинном говорении, особенно в случаях самокоррекции или перепланирования высказывания непосредственно в ходе говорения. В нашем материале в большинстве случаев (5) они оказались реализованными в речи мужчин. У говорящих на трасянке зафиксировано всего 2 таких употребления, причем все в вербальном поведении мужчин.

Вторую группу единиц составили также малочисленные случаи уменьшительных форм модальных единиц (всего 14) в говорении представителей белорусской и русской культуры. В нашем материале в подавляющем большинстве они оказались реализованными женщинами, причем в самых разных ситуациях: говорении с детьми, членами семьи, сослуживцами, в очереди, с друзьями, врачом. Мужское употребление (одно) связано с осуществлением функции заботы и реализовано бабушкой в разговоре с внучкой. Многолетнее наблюдение позволило получить данные, дополняющие нашу выборку и подтверждающие однозначную предпочтительность употребления модальных диминутивов в женском говорении (26 из зарегистрированных 31 в наблюдениях). Симптоматично, что обсуждаемые (модальные диминутивы) являются далеко не нормативной формой реализации модальных единиц. Во всяком случае, известные нам грамматики русского и белорусского языков не содержат информации о допустимости их употребления. Напротив, постулируется, что модальные слова белорусского языка отличаются неизменяемостью форм [11, с. 442; 12, с. 305]. Получается, что, реализуя модальные диминутивы, женщины, скорее, нарушают кодифицированные нормы употребления модальных единиц, чем демонстрируют правильность языковой формы.

1. *Мабкі цяпер яно і так. А вось даўней ...*
2. *Мобанькі ўжо і не памрэ ... Мобанькі дапаможа.*
3. *Муські зноў падтрымаўся. Піва ці што выпіў?*
4. *І трэбачкі мне было яе пачаставаць. Немаведама чым! А?! От! А я-яй! эгНН!*
5. *Тут, дзеўкі, трэбанькі-і-і ... нешта другое тут рабіць трэба.*
6. *А моженькі повезет! Да-да! Моженькі поймет он! Главное-то нос не вешать! Жизнь! Жизнь надо! Ой, Танюша, правду говорю, правду тебе говорю! Ой!*
7. *Ага! Это ты наелся. А пальчики? А моженькі о ни кушать хотят? А? А? Давай, давай пальчики-малышки покормим. Смотри, творожком! Со сметанушкой. Хоп! О! Видишь, хочет пальчик кушаньки-то, хочет! Да-а! Ой хоченьки-хочет! Ой-ой! Да-а!*

Не менее симптоматичным представляется и то, что коммуниканты-мужчины вполне осознают значимость модальных диминутивов в экспликации типично женской манеры говорения и прибегают к ним в случаях имитации или цитирования вербального поведения женщин. Таковыми оказались три из пяти зарегистрированных нами в ходе наблюдений мужских употреблений модальных диминутивов. В качестве примера можно привести следующую реплику:

8. *Ха! Ну конечно! Хотя она, как услышала, так сразу (переходит на высокий уровень): «Что вы, что вы! Он в затруднении, он в затруднении! Надушки-надушки ему помочь! Павлушеньке!» (Переходит на свой обычный уровень). Пусть помогает! Что ж! Пусть помогает. Но! Наша позиция, я говорю, наша позиция! Она должна быть твердая: никаких поблажек! Все! Вот. Вопрос исчерпан. Да!*

Почему же, казалось бы, отклоняющиеся от норм уменьшительные модальные слова оказались значительно чаще включенными в арсенал средств формирования вербального поведения именно женщин, а мужчины начинают ими пользоваться только в исторически более типичной для женского общения ситуации непосредственной заботы или с целью цитаций речевых действий женщин? По-видимому, те значения, которые привносятся уменьшительными модальными наименованиями, как и диминутивами в целом, видятся представителями определенного гендера более важными в их попытке проецирования окружающей их действительности на собственную картину мира, чем неукошительное следование общепринятым нормам. Девиантное вербальное поведение, таким образом, также может иметь отличия в зависимости от гендера коммуниканта. В случае с диминутивами женщины явно предпочитают редкие уменьшительные формы, каковыми и являются модальные диминутивы.

Косвенно наш вывод о значительно большей частотности уменьшительных модальных форм, традиционно считающихся отклонениями от принятых норм употребления, в речи женщин подтверждают данные анализа недавно изданного «Словаря богатств русского языка» [13]. Многие диминутивные наименования оказались включенными в обширнейший перечень разъясняемых им единиц, что, помимо всего прочего, существенно отличает его от других известных словарей русского языка, имеющих своей целью толкование слов. Анализ уменьшительных лексических единиц, представленных в названном словаре, убедительно показывает, что все наиболее редкие диминутивы в нем соотносятся с миром женщины или с ситуациями непосредственной заботы, приватных, интимных отношений, а примеры употребления взяты из сотворенных женщинами текстов, например: *лапочка-дочка* [13, с. 313], *жандармочка Мария Никитична* [13, с. 222], *И мне стало жальчохоньо себя вдруг* [13, с. 222], *Потягушечки!* [13, с. 518].

Модальные диминутивы, к сожалению, оказались вне поля зрения авторов данного словаря, что доказывает редкость и необычность данных форм и, возможно, восприятие их как девиантных, особенно в изолированном, «словарном» предъявлении. О. Есперсен, как известно, говорил не только о правильности, кодифи-

цированности языка женщин, об их инстинктивном стремлении избегать девиантные формы, о центрально-сти, т.е. нормативности употребляемых ими средств. Он недвусмысленно заявил также об относительном отсутствии творческого характера в использовании языка женщинами. Креативность у него соотносится исключительно с употреблением языка коммуникантами-мужчинами [1, с. 248], которые или иницируют новые слова, или начинают по-новому, творчески использовать уже известные, старые, архаические лексические единицы [1, с. 248]. «Лингвистический гений» поэтому обнаруживает себя в текстах мужчин, но не женщин [1, с. 253]. К сожалению, О. Есперсен анализирует только тексты предшествующих и современных ему эпох, которые не могли репрезентативно представить подлинный язык и конструируемый им мир женщин, ибо были, как правило, созданы авторами-мужчинами. Неслучайно в получивших широкую известность и признание трудах данного автора отсутствуют разделы, посвященные значимым для женского говорения языковым явлениям. В частности, диминутивность, которая, как мы видели на примере модальных уменьшительных форм, в определенной мере связана с языком женщин, отсутствует в его книге о языке [1]. «Философия грамматики» также не учитывает существование грамматического показателя уменьшительности [14].

Сказанное, однако, справедливо не только в отношении трудов О. Есперсена. Между тем диминутивные наименования существенно расширяют арсенал языковых средств пользователя. Они образуются с помощью специальных суффиксов. Последние же относятся к языковым средствам, которые, по достаточно эмоциональному утверждению литераторов, т.е. людей, работающих со словом, практически удваивают словарь. Мы полагаем, что они позволяют коммуниканту не только увеличить свой вокабуляр, но и создать свое особое семантическое пространство, несколько модифицировав многие нейтральные смыслы. В свете данного предположения далеко неслучайным представляется то значительно большее количество редких диминутивных форм, которое зарегистрировано нами именно в речи женщин при рассмотрении особенностей реализации разговорных модальных единиц во всех массивах славянских текстов – русском, белорусском, на трясянке. Кроме того, данные нашего анализа позволяют поставить под сомнение тезис о том, что отклоняющиеся от нормы, девиантные употребления, в том числе и те, которые могут быть истолкованы как проявление «лингвистического гения» [1, с. 253], реализуются не то, чтобы полностью, а даже и преимущественно в текстах мужчин. С другой стороны, они дают основания считать девиантность областью реализации гендерных разграничений. В частности, отклоняющиеся от нормы употребления уменьшительных модальных форм прямо или косвенно связаны с миром женщины.

Третья группа анализируемых нами слов была образована весьма частотными случаями употребления маргинальных единиц или, в терминологии ряда авторов, новых, только еще формирующихся модальных единиц типа *gonna*, *mot*, *mob* и т.п. Данные единицы оказались манифестированными в нескольких вариантах, которые мы разделили на две подгруппы: а) смешанные и б) фонетически унифицированные. В качестве примера варианта подгруппы (а) можно привести *s/v gotta*, *moa* (белорусский), *моэм* (русский). Примерами унифицированной подгруппы, т.е. такой, которая оказалась сформированной из единиц, имеющих несомненную общность в фонетической форме, в нашем материале являются следующие:

(Англ.) <i>wonna</i>	(Рус.) <i>мот</i>	(Бел.) <i>мо(б)</i>
<i>gonna</i>	<i>хот</i>	<i>трэ(б)</i>
<i>gotta</i>	<i>бум(т), (шь)</i>	<i>мусь</i>

Рамки настоящей статьи не позволяют описать и интерпретировать все встречающиеся в нашем материале формы. В качестве типичного примера рассмотрим конструкцию *to be going to*, которая оказалась манифестированной в следующих вариантах: *is/am/are going to* > *s/m/re going to* > *s/m goin* > *s/m gonna* > *gonna*. Вариантами смешанной группы являются формы, подчеркнутые одной линией, унифицированной – двумя.

В теории грамматикализации, как известно, явление изменения фонетической формы в актах использования языка получило название эрозии [15, с. 11]. Внимательное рассмотрение модальных единиц, включенных в итоговую или фонетически унифицированную группу, дает основание сделать предположение о том, что в этих изменениях существенную роль играет стремление языковых форм к иконичности. Данное стремление приводит к тому, что итоговые формы очевидным образом проявляют внешнее фонетическое сходство, а в ряде случаев тождество не столько с кодифицированной формой-эталоном, сколько образовавшихся слов друг с другом. Например, русские формы *хот* (*хотеть*), *мот* (*мочь*), *бут* (*будет*), белорусские *mob*, *трэб*, *мусь*, английские *wonna*, *gotta*, *gonna*, *betta*, *tryta*, *hafta*, *hasta* и т.п. Данное обстоятельство побуждает более внимательно отнестись именно к проблеме иконичности.

Рассмотрим данные об употреблении формы *gonna*, зафиксированные в наших записях вербального поведения англичан (таблица).

Употребительность 'gʁnɔ на 1 000 слов текста в вербальном поведении англичан

Стиль	Официальный		Непринужденный		Официальный		Непринужденный		Официальный		Непринужденный	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Образование	Гендер											
Высшее	1,3	1,0	1,6	1,3	0,9	0,5	1,3	0,9	0,7	0,3	1,0	0,5
Ср. спец.	1,5	1,2	1,7	1,4	1,2	0,6	1,4	1,0	0,9	0,4	1,2	0,7
Среднее	1,7	1,3	2,1	1,7	1,3	0,9	1,8	1,3	1,1	0,5	1,4	1,0
Незак. ср.	2,2	1,9	2,3	2,2	2,1	1,8	2,2	2,0	2,0	1,9	2,1	2,0

Возраст	17 – 25 лет	26 – 45 лет	46 лет и старше
---------	-------------	-------------	-----------------

Как видно из представленной таблицы, мужские показатели употребления данной маргинальной формы превышают соответствующие показатели в говорении женщин, что соответствует выводам о большей кодифицированности или правильности языка женщин.

Если мы теперь посмотрим, как обстоит дело с частотностью форм конструкции *to be going to* во второй, смешанной группе, то увидим весьма отличающуюся картину. Кодифицированные составляющие данной подгруппы (*m/s/'re going to*) функционируют, практически, одинаково в говорении как мужчин, так и женщин, хотя женщины регулярно чуть-чуть (на 1-2 десятые единицы, реже 3) манифестируют их чаще. А вот другие формы смешанной подгруппы (*Г'm gqVln to*) в значительном количестве случаев соотносятся чаще с говорением мужчин, причем во всех возрастных группах. Той тенденцией к сглаживанию различий, которая наблюдается у фонетически сходных форм с уменьшением возраста коммуникантов, которая зафиксирована в представленной таблице, в данном случае не прослеживается. А гендерная значимость контраста правильная/отклоняющаяся от нормы речь здесь намного четче, достигая в ситуациях официального говорения исчисления более чем в 3-4 раза (например: 0,45 против 0,1 у лиц с высшим образованием в возрасте 26 – 45 лет). Представляется, что интерпретация полученных данных только с точки зрения правильности/неправильности говорения не исчерпывает всей проблемы, ибо в случае некодифицированных форм смешанной подгруппы женщины не поддерживают не просто неодобряемые формы. Они очевидным образом отклоняют еще и неиконичные формы. Маргинальные модальные единицы, отличающиеся иконичностью, оказываются «поддержанными» ими значительно больше, чем формы смешанной подгруппы. Так, в той же самой возрастной группе у лиц с высшим образованием гендерные отличия по встречаемости иконических по форме модальных слов составляют всего 35 – 40 %, а у более молодых коммуникантов и того меньше (около 25 %).

Если сравнить частотность маргинальных, некодифицированных форм смешанной и фонетически унифицированной подгрупп, то оказывается, что иконические формы значительно более употребительны в говорении всех говорящих, независимо от их гендерной принадлежности. Вместе с тем, у женщин данное увеличение больше, чем у мужчин. Отмеченная особенность наиболее четко прослеживается у лиц с незаконченным средним образованием, речь которых, как показывают данные приведенной таблицы, мало отличается по частотности иконических модальных единиц в говорении мужчин и женщин. Встречаемость же некодифицированных единиц смешанной группы у данных говорящих характеризуется другими показателями, свидетельствующими: 1) об их меньшей предпочтительности, чем иконических форм в целом; 2) о значительно более четкой (почти на 35 %) выраженности данной (то есть меньшей) предпочтительности у коммуникантов-женщин.

Более того, если проанализировать формы отклоняющихся от нормы модальных единиц, особенно диминутивов в белорусском языке и трасянке, то, при всей их немногочисленности, самыми употребительными оказываются те, которые в основе своей имеют четко прослеживаемую прототипическую форму СГСкі: *муські, мобкі, можкі, мабкі, трэбкі* (С – означает согласный звук, Г – гласный). То есть, по сути, они представляют свой некий альтернативный вариант развития симметрии или иконичности обсуждаемых модальных единиц.

Возникает вопрос, что характеризует женское употребление разговорных модальных единиц больше: стремление к правильности форм или приверженность к симметрии, проявлением которой правомерно считать иконичность? На наш взгляд, полученные нами данные подтверждают известные выводы ученых во многих отраслях знаний о значительно четче выраженной приверженности представительниц женского пола к симметричным формам [16, с. 288].

Весьма затруднительно сейчас сказать, в речи какой гендерной группы и почему впервые появились модальные единицы, построенные в соответствии со все более становящимися прототипическими фонетическими моделями, что привело к иконичности новых разговорных форм во всех сопоставляемых нами языках. Л. Блумфилд, как известно, пришел к убеждению о принципиальной невозможности установить причины конкретных звуковых изменений в языке, равно как и выявить тех носителей языка, которые впервые стали манифестировать ту или иную новую форму [17, с. 420]. Представляется правомерным распространить данное утверждение и на проблему о том, представители какой гендерной группы стали первыми употреблять некоторые модифицированные формы модальных единиц.

Сказанное не отвергает попыток ряда известных исследователей обосновать наиболее общие причины звуковых изменений. Заслуживающим серьезного внимания представляется предположение Т.М. Николаевой о значимости в плане звуковых изменений стремления «к передаче все большего количества информации в единицу времени», очевидной тенденции «компрессировать все большее количество информации в единицу времени» [18, с. 16]. По сути аналогичной точки зрения придерживается Т. Гивон, заявляющий о все более совершенствующихся формах языка в ответ на удивительно высокую скорость оперирования им в устном общении [19, с. 112]. Данная точка зрения представляется наиболее приемлемой и не только не противоречащей известному выводу А. Мартине об экономии усилий, потраченных на достижение определенной цели [20, с. 126 – 198] как основе языковых изменений, но и объясняющей, уточняющей его. Назначение языка – передавать требуемые для общения смыслы в наиболее

доступной для восприятия форме в условиях быстрого оперирования им – оказывается реализованным с помощью иконизации формы определенных часто повторяющихся показателей или групп слов. В нашем случае таковыми являются разговорные формы модальных единиц, несомненная иконичность которых прослеживается в нашем материале. Но для настоящего исследования наиболее важными являются различия в частотности манифестации или предпочтения установленных иконических форм в зависимости от гендера говорящего субъекта. Кроме того, полученные нами данные позволяют сделать предположение о разной значимости феномена иконичности в конструировании языковых форм в вербальном поведении мужчин и женщин. Более свободное у мужчин, что дает им возможность чаще нарушать требования иконичности, и более четкое следование требованиям симметрии у женщин, которое содействует созданию прецедента более правильной речи.

На наш взгляд, полученные данные позволяют сделать предположение о необходимости расширить перечень грамматикализованных показателей относительно разговорных форм модальных единиц. Иконизированная форма данных единиц подсказывает их принадлежность к определенному классу служебных единиц. Но не только. Гендерно специфичная частотность их появления в текстах устного общения формирует иконичность другого свойства – ту, которая существует на уровне текста, самом высоком уровне организации языкового материала. Ведь иконичность как организующее начало проявляется не только на фонетическом уровне в явлениях ономастопеи и звуко-символических конструкций. Она возможна на всех уровнях организации языка [21, с. 417 – 419], в том числе на уровне текста, отражающего определенные отрезки коммуникативного поведения, фиксирующего все коммуникативные события в целом.

Возможность существования данного уровня иконичности обусловлена наличием у языковых знаков идеального внутреннего плана. То есть иконичность тесно связана с процессами концептуализации окружающего мира и событий в нем. Гендерно специфическая частотность реализации иконических или не отвечающих правилам иконичности форм, на наш взгляд, содействует формированию у носителей языка гендерно дистинктивных моделей организации коммуникативного поведения и фиксирующих и отражающих его текстов. Ведь, как замечал еще Э. Сепир, «значительно язык является звуковой реализацией тенденции рассматривать явления действительности символически», что и позволило ему стать «удобным средством коммуникации» [22, с. 231]. Иконичность, существующая на всех уровнях организации языка, есть следствие его «фонематичности» [22, с. 224], постоянно стремящейся к совершенствованию символичности, благодаря которой на всех уровнях существования языка «происходят очень интересные процессы фонетического отбора и обобщения» [22, с. 224]. Данные процессы, по верному замечанию Э. Сепира, легко ускользают от внимания, но они «чрезвычайно важны для развития специфически символического аспекта языка» [22, с. 224]. Мы полагаем, что они чрезвычайно важны и для символизации гендерного аспекта речевого поведения, понимания особенностей конструирования гендерной идентичности говорящего субъекта средствами языка, формирования гендерно специфических моделей организации текста.

В какой мере установленные нами особенности реализации модальных единиц способствуют конструированию данных моделей? Иными словами, насколько сигнификативными они являются в плане конструирования гендерной идентичности говорящего субъекта и грамматикализации показателей гендерной принадлежности высказывания? Мы имеем в виду следующие особенности реализации модальных единиц:

- а) отклоняющиеся от норм сочетания модальных слов;
- б) употребление модальных диминутивов;
- в) разговорные формы модальных единиц, в том числе иконические их разновидности.

Для возможного ответа на поставленный вопрос нами проводился специальный эксперимент по выявлению значимости всех трех названных вариантов реализации модальных единиц в плане маркирования гендера. Двум группам информантов (10 мужчинам и 10 женщинам, 5 из которых имели филологическое образование) в каждой культуре предлагались для восприятия изолированные из текста высказывания, содержащие обсуждаемые особенности. Чтобы исключить роль голоса, образцы представлялись в письменном виде. Гипотетически предполагалось, что соотносимые преимущественно с мужским говорением разновидности (а) и (в) подскажут соответствующий выбор информантам, равно как и реализованные в подавляющем большинстве случаев в женском говорении модальные диминутивы.

Результаты эксперимента оказались только частично соответствующими реальной гендерной принадлежности отобранных для анализа высказываний. Так, отклонения от норм сочетания воспринимались только как ошибки в говорении, особенно информантами с высшим филологическим образованием и никак не соотносились с гендером говорящего субъекта.

Гендерно недистинктивными оказались также высказывания, включающие новые разговорные формы. Большинство информантов оценило их как возможные в речи представителей любого гендера. И только всего один информант из десяти в предположительной форме допускал возможность принадлежности ряда высказываний к мужскому говорению. В реальности же, примерно в половине случаев, они таковыми не являлись. В результате число правильного распознавания гендера оказалось минимальным. Возможно, более точные интерпретации были бы получены, если бы для анализа предлагались тексты, а не отдельные высказывания, однако при таком подходе невозможно исключить роль многих других ген-

дерно дистинктивных особенностей говорения, которые всегда содержатся в тексте. Значительная частотность встречаемости разговорных форм, таким образом, не содействовала выработке каких-то заключений об их гендерной значимости.

Малоупотребительные модальные диминутивы, в отличие от других анализируемых нами форм, оказались относительно сильным средством манифестации гендера. Во всяком случае, подавляющее большинство информантов (около 60 %) сделало адекватный выбор, хотя и в весьма предположительной форме. Весьма симптоматично также, что единственная мужская реплика с глагольным диминутивом интерпретировалась 80 % информантов как женская.

Оставшиеся 20 % затруднялись с идентификацией или считали ее фрагментом говорения ребенка. Но никто из них не соотнес данную реплику с мужским говорением. Представляется важным заметить, что в последующем обсуждении результатов анкетирования с каждым информантом все они были в состоянии вычленивать модальные диминутивы как определенную подсказку, которой они так или иначе руководствовались в своем решении. Интерпретационные пути всех 20 информантов можно суммировать в виде следующих трех направлений рефлексии по поводу реплик, содержащих модальные диминутивы: а) здесь есть, например, *надоньки*, значит это ..., б) вероятнее всего, это ..., в) да, конечно, но все-таки нельзя сказать определенно...

Полученные результаты позволяют сделать вывод о гендерной дистинктивности модальных диминутивов. Настолько сильной, что даже в изолированном предъявлении содержащие их реплики становятся адекватными репрезентантами гендера говорящего субъекта. Сказанное не опровергает значимости количественных показателей реализации иконических форм модальных слов. Последние, в отличие от редких уменьшительных модальных форм, трудны для интерпретации, весьма частотны, потому незаметны, неуловимы без статистических выборок или глубоких знаний о языке. На наш взгляд, наиболее точно они могут быть представлены с помощью термина «глубинные», в то время как уменьшительные диминутивы правомерно классифицировать как «поверхностные». Данные термины, однако, интерферируют с реалиями широко известной теории Н. Хомского. Поэтому для их интерпретации мы прибегаем к другим терминологическим обозначениям, широко используемым в физике, где принято различать видимые и невидимые сущности. Состояние частиц в микромире, как известно, описывается ненаблюдаемой величиной – волновой Ψ -функцией [23, с. 205]. Невидимость данной величины не является препятствием для признания ее значимости.

Полученные данные показывают, что состояние дел с гендерной дифференциацией в языке может быть описано в числе прочих признаков и с помощью относительного показателя частотности употребления иконических и не следующих правилам иконичности форм модальных слов. Данный показатель представляет собой своего рода невидимую сущность. Ведь нашему непосредственному опыту открыты только отдельные, кажущиеся случайными, зависящими исключительно от субъективного выбора варианты форм, а не их относительная квантитативность в том или ином варианте вербального поведения. Данная квантитативность принадлежит к миру опыта совсем в другом понимании и трудна для констатации, отсюда и ошибки и затруднения информантов. Относительная мера количества в случае иконических средств приводит к новому качеству – гендерно дистинктивной вербализации событий в мире. В то время как в случае с модальными диминутивами отличающиеся количественные показатели их употребления есть результат предпочтения определенного качества, видимой сущности, легко воспринимаемой коммуникантами как знак определенного гендера сам по себе, без референций к количеству данных знаков в тексте, хотя их общие количественные характеристики также весьма дистинктивны.

Иконические же формы, напротив, только в некоторых относительных пропорциях своего употребления способны участвовать в формировании новой сущности – гендерно дистинктивной языковой картины мира. Их значимость скрытая, неочевидная, глубинная, однако, они частотны, вездесущи, в то время как модальные уменьшительные формы – редчайшие единицы в общении. Неслучайно они оказались вне поля зрения исследователей, работающих с каноническими печатными текстами.

Обобщая приведенные данные можно сделать следующие **выводы**:

1) частотность новых разговорных модальных единиц обнаруживает относительно более четко выраженное стремление женщин избегать употребления неcodифицированных, или маргинальных форм;

2) предпочтение правильных, codифицированных форм, будучи более четко выраженным в вербальном поведении женщин, не является, тем не менее, неким абсолютным фактором, определяющим их выбор языковых средств. Реализация модальных диминутивов позволяет сделать предположение о наличии других, не менее значимых для конструирования адекватного вербального поведения женщин, величин, побуждающих их отступать от общепринятой нормы. Нормативность, таким образом, вовсе не является прерогативой женского вербального поведения, а гендерно специфическая его особенность в отношении определенных языковых средств;

3) допущение маргинальных модальных единиц в арсенал языковых средств совершается женщинами с заметным учетом иконичности форм данных единиц – самыми употребительными оказываются отличающиеся иконичностью модальные диминутивы. Иконичность или сама языковая форма, таким обра-

зом, а не только ее кодифицированность или престиж в обществе, является для женщин относительно более значимым, чем для мужчин, критерием при выборе модальных языковых единиц в устном общении;

4) девиантные, отклоняющиеся от традиционных норм, креативные, в терминологии О. Есперсена, формы не являются прерогативой мужского употребления языка. Правильнее говорить об определенной гендерной стратификации данных форм. Подтверждением этому могут служить модальные диминутивы, которые оказались значительно чаще соотносимыми с вербальным поведением женщин, в то время как отклоняющиеся от иконических форм девиантные маргинальные модальные слова – с мужским;

5) результаты изучения девиантности на материале модальных единиц подсказывают значимость категорий диминутивности и иконичности для дальнейшего проникновения в сущностные особенности манифестации гендера средствами языка;

6) девиантность/нормативность или центральность, в терминологии О. Есперсена, таким образом, сама по себе является недостаточным критерием при описании гендерных особенностей вербального поведения, хотя и позволяет установить ряд отличительных его черт. Более точное описание может быть достигнуто, если обратить внимание на лежащие в основе многих девиантных или кодифицированных форм другие, более глубинные языковые тенденции, в частности те, которые могут быть обозначены терминами диминутивность и иконичность;

7) количественные характеристики употребления исследуемых модальных форм в той или иной гендерно специфичны.

Сделанные выводы представляют интерес для дальнейших исследований гендера и коммуникативного поведения, особенно в плане системообразующей роли диминутивности и иконичности в конструировании гендерной идентичности говорящего субъекта. Актуальны они также и для исследователей, работающих в области сопоставительного изучения модальности, а также для тех, кто рассматривает модальные глаголы только в английском, американском и, особенно, в русском и белорусском языках, наименее исследованных в данном плане.

ЛИТЕРАТУРА

- Jespersen, O. *Language: Its Nature, Development, and Origin* / O. Jespersen. – London: Allen, 1923. – 448 p.
- Земская, Е.А. *Язык как деятельность* / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 685 с.
- Кирилина, А.В. *Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах* / А.В. Кирилина // *Гендер и язык*, научн. ред. А.В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7 – 32.
- Trudgil, P. *Sociolinguistics. An Introduction* / P. Trudgil. – Middlesex, 1974. – 184 p.
- Kramarae, Ch. *Gender: How she speaks* / Ch. Kramarae // *Attitudes towards language variation*; Eds. E.B. Ryan, H. Giles. – L.: Edward Arnold, 1980. – P. 84 – 98.
- Milroy, J. *The Interpretation of Social Constraints on Variation in Belfast English* / J. Milroy // *English around the World*; Ed. J. Cheshire. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 75 – 88.
- Labov, W. *The Social Motivation of a Sound Change* / W. Labov. – Word, 1963. – № 19. – P. 273 – 309.
- Downes, W. *Language and Society* / W. Downes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 503 p.
- Schulz, M.R. *The semantic derogation of women* / M.R. Schulz // *Language and sex: Difference and dominance*; Eds. B. Thorne, N. Henley. – Rowley Mass: Newbury House, 1975. – P. 43 – 56.
- Longman Grammar of Spoken and Written English* / D. Biber [et al.]. – L.: Longman, 1999. – 1204 p.
- Бадзевіч, З.І. *Модальныя словы* // *Курс беларускай мовы* / Л.І. Сямешка, І.Р. Шкраба, З.І. Бадзевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1996. – С. 442 – 446.
- Берднік, С.К. *Модальныя словы* / С.К. Берднік // *Беларуская мова: у 2-х ч.* / рэд. Л.М. Грыгор'ева. – Мінск: Выш. шк., 2001. – Ч. 1. – С. 304 – 308.
- Харченко, В.К. *Словарь богатств русского языка* / В.К. Харченко. – М.: АСТ Астрель, 2006. – 843 с.
- Есперсен, О. *Философия грамматики* / О. Есперсен / под ред. Б.А. Ильиша. – М.: URSS, 2006. – 404 с.
- Heine, B. *World Lexicon of Grammaticalization* / B. Heine, T. Kuteva. – Cambridge: CUP, 2002. – 387 p.
- Пинкер, С. *Язык как инстинкт* / С. Пинкер. – М.: УРСС, 2004. – 455 с.
- Блумфилд, Л. *Язык* / Л. Блумфилд / под ред. и с предисл. М.М. Гухман. – М., 1968. – 606 с.
- Николаева, Т.М. *Диахрония или эволюция* / Т.М. Николаева // *Вопросы языкознания*. – 1992. – № 2.
- Givón, T. *Bio-linguistics: The Santa Barbara lectures* / T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – 383 p.
- Мартине, А. *Механизмы фонетических изменений* / А. Мартине; под ред. В.А. Звягинцева. – М.: URSS, 2006. – 260 с.
- Jakobson, R. *Quest for the Essence of Language* / R. Jakobson // *Language in Literature*. – Cambridge, Mass., London, Eng.: The Belknap Press, 1987. – P. 413 – 427.
- Сепир, Э. *Язык* / Э. Сепир // *Избр. тр. по языкознанию и культурологии*. – М.: Прогресс, 1993. – С. 223 – 247.
- Захаров, В. *Физика и философия* / В. Захаров // *Энциклопедия для детей. Физика*; ред. А. Евсевичева. – М.: Аванта, 2000. – Т. 16. – С. 204 – 206.

Поступила 27.02.2008